

На правах рукописи

**ПРОНЬКИН
ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ**

**ПРАКТИКИ ИМИТАЦИИ: ИСТОРИЯ, ТИПОЛОГИЯ, СОЦИАЛЬНЫЕ
ФУНКЦИИ**

Специальность **09.00.13** –
Философская антропология, философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Санкт-Петербург

2018

Работа выполнена в Частном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Русская христианская гуманитарная академия»

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Светлов Роман Викторович

Официальные оппоненты: Шевцов Константин Павлович,
доктор философских наук,
Санкт-Петербургский государственный
Университет гражданской авиации,
профессор

Пеннер Регина Владимировна,
кандидат философских наук,
Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет), доцент

Ведущая организация: Санкт-Петербургский горный университет

Защита состоится «_____» _____ 2018 года в _____ часов на заседании
Совета Д 212.232.68 по защите докторских и кандидатских диссертаций при
Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034,
Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская линия, д. 5, институт философии, ауд.
_____.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького
и на сайте Санкт-Петербургского государственного университета
www.spbu.ru

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Лузина Татьяна Ивановна

I. Общая характеристика диссертации

Актуальность темы исследования. За последние десятилетия в гуманитарных науках закономерно возрос интерес к проблемам формирования нового типа социальности. Потребность в новом взгляде на мир и на то место, которое занимает в нем человек, заставляют исследователей искать новые пути осмысления и решения древнейших мировоззренческих проблем. Вектор философского познания перемещается на феномены повседневной жизни, которые ранее почти вообще не интересовали философию.

Среди этих феноменов совершенно исключительное положение занимает феномен имитации и те разнообразные практики, в которых он дает о себе знать. Хотя в обыденном сознании закрепилось представление о несерьезности, неподлинности всего, что связано с имитацией, трудно не признать, что имитация является одной из антропологических констант человеческого существования. Она появляется вместе с возникновением самого человека и сопровождает его на протяжении всей обозримой истории. Нельзя не заметить, что в различные культурно-исторические эпохи отношение к практикам имитации было различным, и то негативное восприятие имитации, которое утвердилось в эпоху Просвещения, вовсе не является чем-то само собой разумеющимся. Есть немало свидетельств, что, например, в античности феномен имитации воспринимался не только как вполне естественный, но и как приносящий несомненную социальную пользу. В эпоху постмодерна, когда доминирующим становится игровое отношение к миру, интерес к имитационным практикам обретает более прочное основание. Но так или иначе в любую эпоху имитация представляет собой один из важнейших способов освоения культурного пространства.

К феномену имитации обращаются самые разные теоретические

дисциплины - начиная с психологии и социологии и заканчивая нейрофизиологией. Вклад философии связан, в первую очередь, с необходимостью выявления существенных характеристик этого феномена. Понятно, что искусствоведение и педагогика будут иметь дело с различными аспектами имитационных практик, и в данной ситуации задача философии может быть понята как стремление дать ответ на вопрос - что такое имитация вообще, независимо от ее частных, ограниченных проявлений. Но в рамках этой более общей задачи возникает совершенно оригинальное измерение, связанное в первую очередь с проблемным кругом философской антропологии. Специфический интерес философской антропологии к феномену имитации связан, в первую очередь, с тем обстоятельством, что имитационные практики так или иначе тематизируются в горизонте представлений о совершенном человеке. Дело в том, что привычный для гуманитарных наук ход мысли, выражающийся в признании первичности образа совершенного человека и вторичности возможного подражания этому образу, может быть поставлен под сомнение. Всегда ли в имитационных практиках образ совершенного человека предшествует феномену имитации? Не предполагает ли социокультурный механизм, вызывающий к жизни феномен имитации, что образ совершенного человека продуцируется в имитационных практиках, а не предшествует, неизвестно откуда появившись? В любом случае оба подхода выглядят правомерными: образ совершенного человека, для появления которого в культуре вовсе не обязательно обращаться к миру идей Платона, может задавать направленность и смысл имитационных практик. Но тогда особую остроту приобретает проблема генезиса идеи совершенства вообще и идеи совершенного человека в частности. Эта проблема решается, если мы признаем практику первичной, а все идеи, включая и идею совершенства, производными. Совершенный человек – это именно тот человек, который становится объектом имитационных практик. Но в таком случае проблемой

оказываются сами имитационные практики, их происхождение, их связь с природой человека и с его социальной сущностью. Такое философско-антропологическое исследование феномена имитации позволяет прояснить и определить ансамбль его утилитарных и символических функций. Феномен имитации получит более полное освещение, если будет раскрыта его роль и место в самых разных сферах культурной деятельности, включая религиозные ритуалы, формы общения, семейную жизнь и т.д.

Анализ имитационных практик приобретает особую актуальность в горизонте нарастающей урбанизации и интенсификации жизни, в свете социальных и психологических конфликтов, закономерно возникающих в современном обществе. Исследование символических функций имитации, сам факт, что они будут обязательно учитываться и при утилитарном подходе к формированию среды обитания человека, будет содействовать выявлению оптимальных способов решения данных противоречий, поиску гармонии в человеческом существовании.

Создание философско-антропологической концепции феномена имитации открывает перспективу нового взгляда на многие традиционные проблемы философии и культурологии, что имеет как теоретическое, так и практическое значение. Сама имитация является одновременно и продуктом деятельности человека, и средством, механизмом ее осуществления. С этой точки зрения феномен имитации может различным образом включаться в различного рода философские и специально-научные теории, выступая либо как объект анализа, либо как оценочное понятие, либо как модус человеческого мировосприятия и поведения. В этом качестве феномен имитации растворяется в широком философском, культурологическом и художественном контексте, сохраняя при этом свой общий инвариант, и если этот последний удастся реконструировать, то следует говорить не о конкретных исторических типах имитационных практик, а об «имитации вообще». Данная исследовательская установка предполагает синтез

различных исторических представлений о феномене имитации, а также различных рецепций этого феномена в различных социально-гуманитарных дисциплинах.

Анализ феномена имитации позволяет выявлять особенности европейской истории культуры на разных этапах ее существования, включая и настоящее время. Имитационные практики обнаруживают свою причастность к поискам оснований мироздания, смысла жизни, целостного и гармоничного бытия человека. Таким образом, рассмотрение феномена имитации в его неизменной причастности к всеобщей динамике культурно-исторического развития позволяет говорить об этом феномене как о своеобразной универсалии социальной реальности. Специфика ее проявления выражает особенности различных этапов существования человеческого общества. В связи с этим несомненную актуальность приобретает систематизация всех знаний о феномене имитации, как естественнонаучных, так и исторических, этнографических, искусствоведческих. Возникает необходимость создания общей философско-антропологической концепции имитации.

Состояние проблемы. К настоящему времени отечественной традицией философской антропологии накоплен значительный теоретический и методологический опыт. Причем еще до того, как философская антропология оформилась в России в качестве самостоятельной дисциплины, в отечественной философской литературе имелись фундаментальные систематические исследования человека, его природы и социальной сущности (Ананьев, Буева, Давыдов, Каган). Они и в настоящее время, наряду с опытами целостной репрезентации философско-антропологического знания (Н.Козлов, Марков и др.), могут использоваться в качестве исходных предпосылок для решения проблем более частного характера, в том числе и для исследования феномена имитации.

Имитационные практики принято противопоставлять некоторым иным

видам практической деятельности человека, которые, в отличие от имитации, имеют, по общему признанию, более важное и более серьезное значение в социальной реальности. В этом смысле фиктивные, "не настоящие", неподлинные виды деятельности противопоставляются реальным, подлинным, и имитация относится к первому виду. Независимо от того, насколько такое противопоставление обосновано, имитационные практики объективно сближаются с игрой, которая также чаще всего рассматривается в оппозиции к реальности. В гуманитарных науках природа игры, ее функции, ее смысл давно уже привлекали к себе самое пристальное внимание. Конечно, зарубежные исследования игры (Берн, Бродель, Лэндрет, Хейзинга и др.) являются более популярными, в том числе и у отечественных исследователей. Но следует отметить ряд работ (Аникеева, Апинян, Богомолова, Ветренко, Герасимов, Демин, Киппер, Козлова, Макаревич, Малишевская, Миллер, Ретюнских и др.), которые с нашей точки зрения не менее интересны и могут, в силу указанного родства игры и имитации, предоставить исследователю имитационных практик немалое число эвристически ценных находок и любопытных параллелей.

Типологически близким имитации является понятие мимезиса, к которому уже давно обращено внимание искусствоведов. Есть целый ряд работ, где феномен мимезиса рассматривается не в аспекте истории искусства, а в более широком, философско-эстетическом ключе (Ауэрбах, Дубова, Маковецкий, Никитина). Исследователь феномена имитации может обнаружить в этих работах завершенную концепцию подражания, которая может быть, при определенных условиях, экстраполирована и на имитационные практики.

В более широком ключе имитация может рассматриваться как форма влияния одного человека на другого и, как следствие, форма изменения внутреннего "Я", как механизм личностного роста. Социологический и социально-психологический контекст имитационных практик неоспорим, и

поэтому едва ли феномен имитации можно эффективно изучать, не обращаясь к работам в области социальной психологии. Здесь опорой могут служить как общепринятые авторитеты (Мид, Московичи и др.) так и отечественные исследования, основанные на смелом эксперименте (Аронсон). Но для авторской концепции имитационных практик особое значение имеют работы, где в центре внимания оказывается человеческое "Я", рассматриваемое в аспекте intersубъективности, в его взаимодействии с другими "Я", в аспекте межличностных отношений (Берне, Блум, Бодалев, Гарифуллин, И.Гофман, Гримак, Кон и др.)

В формировании авторской концепции имитационных практик определяющую роль сыграло знакомство с работами Д.Деннета, с его концепцией нарративного Я, которая позволяет решить многие проблемы, связанные с идентификацией личности и с феноменом имитации как механизмом формирования личностной идентичности. Поэтому закономерен наш интерес к работам, специально посвященным природе нарратива (Бройкмейер, Харре, Зенкин)

В целом, все рассмотренные предпосылки могут быть признаны достаточными для формирования оригинальной концепции имитационных практик.

Цели и задачи исследования. Исходя из характеристики состояния проблемы и учитывая потребность построить целостную философско-антропологическую концепцию имитационных практик, **цель исследования** можно определить как комплексный философско-антропологический анализ феномена имитации. При этом принципиально важную роль играет различие таких семантически близких понятий, как «имитация», «подражание», «мимикрия». В своем техническом смысле «имитация» означает воспроизведение модели действия тем способом, который предполагает достижение той же самой цели. То есть, подлинная имитация – это действие, которое воспроизводит как действия, так и цели действий модели.

«Подражание», наоборот, как известно, имеет место тогда, когда наблюдатель пытается достичь тех же самых целей, что и модель, но иными средствами. «Мимикрия» осуществляется тогда, когда имитатор воспроизводит средства действия, не разделяя цели модели. Однако, то, что оказывается целью с одной точки зрения, может также быть средством для чего-то иного, и сама дифференциация целей и средств деятельности представляет собой довольно серьезную теоретическую проблему. Поэтому мы будем использовать термин «имитация», чтобы обозначать действия, которые воспроизводят поведение, позицию, образ жизни другой личности, то есть, действия, спровоцированные представлением или восприятием поведения, позиции или образа жизни этой личности (а не спровоцированные наличием правила, требующего, чтобы каждый действовал подобным образом). Таким образом, мы будем использовать термин «имитация», скорее, в его широком, чем в техническом смысле.

На этом основано различие между предметом и объектом нашего исследования. *Предметом* данной диссертационной работы являются имитационные практики, взятые во всем историческом и культурно-типологическом многообразии, в единстве всех выполняемых ими функций. Однако, поскольку это единство обеспечивается именно тем единством воспроизведения средств и целей деятельности, которое отражает понятие имитации в строгом смысле термина, то *объектом* исследования закономерно становится феномен имитации, взятый в его отличии от подражания и мимикрии.

Исследовательские задачи диссертации можно условно разделить на три группы. В первую группу входят задачи концептуального порядка, предполагающие проблематизацию феномена имитации и рассмотрение историко-философских представлений о природе и функциях имитационных практик. Цель второго этапа – построение философско-антропологической концепции имитационных практик - предполагает ряд последовательно

решаемых задач: а) описание социально-психологического механизма имитации; б) рассмотрение феномена имитации в свете теории нарративного «Я» Д.Деннетта; в) раскрытие социальных функций имитационных практик и их роли в структуре межличностного взаимодействия. Задачи последнего, третьего этапа продиктованы стремлением подтвердить на конкретном педагогическом и учебно-методическом опыте эффективность предложенной в исследовании концепции феномена имитации. Речь идет о различных проектах в области юридического образования, объединенных тем обстоятельством, что в них главная роль отводится не традиционному дидактическому усвоению знаний, а имитационным практикам, предоставляющим учащимся возможность обрести соответствующие навыки и умения посредством воспроизведения целей и средств деятельности реальных акторов в правовой сфере.

Методология исследования. Сложность и многозначность феномена имитации требует сочетания и интеграции различных подходов и методов. Теоретико-методологической основой диссертации служит комплексное соединение общего философско-антропологического подхода с такими специальными методами гуманитарных наук, как историко-генетический, семиотический, этимологический, а также с элементами системного и структурно-функционального анализа. Особая роль отводится гетерофеноменологическому методу Д.Деннета, под которым тот, по сути дела, понимает нарративный анализ проблемы человеческого "Я".

Основные результаты исследования, выносимые на защиту.

В ходе исследования были получены следующие результаты, имеющие научно-теоретическую новизну и практическую значимость:

- показано, что проблема имитации является важной философско-антропологической проблемой, что связано не только с тем, что феномен имитации сопровождает человеческое существование на всех этапах его истории, но и с тем, что феномен имитации так или иначе связан с образом

совершенного человека, так как этот образ либо направляет имитационные практики, либо порождается этими последними;

- раскрыта историко-философская эволюция представлений о феномене имитации, в ходе которой античное убеждение в социальной полезности имитации сменяется характерным для эпохи Посвящения пренебрежением к имитационным практикам как к фиктивным, неподлинным видам деятельности; в эпоху постмодерна, с характерным для нее приматом игрового отношения к человеческому существованию, интерес к природе и функциям имитации вновь возрастает;

- дано описание социально-психологического механизма имитации, которое вынуждает связать феномен имитации не с природой воспринимаемых нами действий, а социально-психологическими и нейрофизиологическими характеристиками нашей природы; проблема имитации должна в таком случае связываться не с тем, почему некоторые действия, которые мы воспринимаем, мотивируют имитационные действия, а с тем, почему мы не подражаем всем действиям, которые мы воспринимаем;

- решение этой проблемы обнаружено в нарративной концепции человеческого «Я» Д.Деннета, которая связывает формирование структуры сознания (и его центра в лице Эго) с механизмами социальной идентификации, в которых имитационные практики играют определяющую роль;

- связь имитационных практик с механизмами социальной идентификации позволяет понять полисемантическую имитации, которая может нести в себе множество коммуникативных функций (имитация может быть признаком уважения и даже обожествления, а может быть признаком насмешки, или актом послушания и т.д.);

- анализ имитационных практик в рамках ряда проектов в сфере юридического образования не только подтверждает позитивную педагогическую эффективность феномена имитации, но и позволяет подойти

к выводу, что именно имитационные практики должны быть связующим звеном между полноценной профессиональной деятельностью и усвоением теоретических представлений об этой деятельности в процессе обучения.

Научно-теоретическая значимость диссертации. Материалы диссертации могут использоваться для дальнейших исследований феномена имитационных практик как в области философской антропологии, так и в таких научных дисциплинах, как искусствоведение, этнография, социальная психология, педагогика и других. Философско-антропологическое изучение феномена имитации, его коммуникативных функций помогает развитию междисциплинарных связей в науке, в том числе и связей между естественнонаучными и гуманитарными областями научного знания. Теоретические положения и выводы исследования могут применяться в процессе преподавания соответствующих дисциплин. Научный анализ сущности феномена имитации способствует взаимопониманию людей, представляющих различные культурно-бытовые уклады.

Апробация исследования. Концепция и основные положения диссертации обсуждались на научных и научно-практических конференциях и семинарах, среди которых: Всероссийская конференция «профессиональная ориентация и профессиональное самоопределение в современной России: задачи, содержание, технологии» (Москва, ФИРО, 2015); «Модернизация содержания и технологий обучения, совершенствование подходов к преподаванию отдельных учебных предметов» (Москва, РАО, 2016); Московский международный салон образования (Москва, 2016, 2017); The Global Education Leaders Partnership Summit (Москва, 2017); Всероссийская научно-практическая конференция «Дуальное образование: стандарты, технологии, лучшие практики» (Москва, 2017); Международная конференция по новым образовательным технологиям (Москва, 2017).

Кроме того, концепция и основные положения диссертации в их

практическом применении апробировались в рамках авторских общероссийских и международных образовательных проектов с участием более 70 регионов России и 20 стран мира: «Street Law / Живое право» (1996 – 2008), «Юридическая клиника» (1996-2004), «Moot courts / Учебные суды» (2000 – 2016), «Сивика» (2004-2008), «Робототехника» (2008-2017), «JuniorSkills – Профессионалы будущего» (2014-2017), по итогам которых автором изданы более 20 учебно-методических разработок, пособий, учебников.

Структура диссертации. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, восьми параграфов, заключения и списка использованной литературы. Общий объем исследования составляет 161 страницу. Список использованной литературы включает 152 наименования.

II. Основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, проводится оценка степени ее разработанности в современной науке. Исходя из данного анализа, формулируются объект и предмет работы, определяются цели и задачи исследования, обозначаются методологические основы изучения данной проблематики, обосновывается научная новизна работы, выдвигаются основные положения, выносимые на защиту, определяется теоретическая и практическая значимость диссертации, характеризуется апробация результатов исследования и структура работы.

Первая глава «Теоретико-методологические предпосылки анализа имитационных практик» посвящена решению таких задач исследования, как проблематизация феномена имитации и анализ историко-философских представлений о природе и функциях имитационных практик.

В первом параграфе первой главы «Имитация как проблема

философской антропологии» обосновывается философско-антропологический статус проблемы имитации. Утверждается, что проблема имитации является важной философско-антропологической проблемой, что связано не только с тем, что феномен имитации сопровождает человеческое существование на всех этапах его истории, но и с тем, что феномен имитации так или иначе связан с образом совершенного человека, так как этот образ либо направляет имитационные практики, либо порождается этими последними. Под кажущейся простотой вопроса о человеческом совершенстве и имитации остаются нерешенными многие проблемы. В самом деле, процесс, посредством которого человеческое совершенство оказывает свое воздействие, представляется особенно загадочным. Наш собственный опыт говорит нам, что обычно мы не желаем имитировать наши образцы совершенства; скорее сами эти образцы каким-то образом нас выбирают. Видимая ясность человеческого совершенства часто оказывается охваченной теоретическим мраком. Яркий пример – происхождение имитационных практик, компенсирующих ушедшие в архаическое прошлое ритуалы жертвоприношения. Один из наиболее спорных вопросов касается насилия в средствах массовой информации и того, как дети могут имитировать то насилие, с которым они сталкиваются в фильмах, на телевидении и в видеоиграх. Такого рода тревоги вполне оправданы. Существует подтверждаемая фактами и документами связь между насилием в средствах массовой информации и более поздними проявлениями насилия в самой жизни. Тем не менее, такая связь является весьма сложной. Кроме того, большинство людей, сталкивающихся с насилием в средствах массовой информации, не воспроизводит и не имитирует именно тот специфический вид насилия, который они видели. Непонятно, почему имитацию насилия не порождают военные сцены или сцены убийств у Шекспира.

Пренебрежение к имитационным практикам в философских науках может рассматриваться как серьезный недостаток последних, так как

философия располагает немалыми возможностями способствовать лучшему пониманию человеческого совершенства и имитации. Например, философия может прояснить те предпосылки, на основе которых проводятся дискуссии о ролевых моделях и об имитационном обучении. Она может также разработать подход, позволяющий адекватно оценить смысл и подлинные границы имитационных практик. Кроме того, важной остается и синтетическая функция философии, которая позволила бы объединить исследования имитации в психологии, социологии, педагогике и других частных науках и выявить общую основу для создания единой концепции имитационных практик. Важно, что имитация влечет за собой осмысление природы и целей наблюдаемых действий. Она влечет за собой категоризацию того, чем является наблюдаемое действие, и этот процесс распределения особенных состояний в более общие группы и заключается в том, чтобы думать о чем-то как об образце. Такая категоризация часто связана с проблемами восприятия и играет некоторую роль в определении того, что мы видим. Процесс восприятия, иными словами, оказывается тесно связанным с тем, что мы принимаем за образец. В процессе наблюдения за каким-либо действием мы обращаемся к различным категориям, чтобы помочь нам определить то, что мы видим. Чтобы понять, как на восприятие влияет осмысление, вспомним о специфических рисунках, которые используются в психологических тестах. То, какую фигуру мы в этих рисунках видим, зависит от того, каким образом сфокусировано наше внимание. Наше внимание фокусируется нашим концептуальным знанием и нашими ожиданиями. Этот процесс категоризации особой вещи, которую мы видим, в более общую группу, является процессом экзemplификации – движения от общего к частному и от частного к общему. Понятие, которое мы «имеем в виду», изменяет то, что мы видим. Когда мы наблюдаем действие, именно экзemplификация (или процесс подобный экзemplификации) управляет тем, каким образом мы концептуализируем действие. Можно утверждать, что экзemplификация определяет, каким

образом мы видим действие.

Помимо установления связи имитации с совершенством возможный вклад философии в изучение имитационных практик заключается в выявлении их скрытых предпосылок. Великая сила европейской традиции заключается в том, что она предполагает множество возможных образов человеческого совершенства. Образы совершенства не только обладают определенными чертами, но они также должны и передавать эти черты. Иными словами, образец должен быть «говорящим» воплощением какой-либо черты или качества. Но как именно нечто становится таким воплощением? Необходимо описание процессов, посредством которых этот коммуникативный аспект образцов совершенства создается. Эти процессы создания совершенства демонстрируют, что образцы коренятся в конкретных практиках отдельных сообществ и зависят от структур сходства и различия внутри социального контекста. Образцы человеческого совершенства не создаются посредством простого взаимодействия между намерениями учителя и атрибутами модели. Образцы совершенства живут, действуют и обладают своим бытием только в той мере, в какой они существуют внутри определенных социальных структур. Аналогичный вывод может быть сделан и относительно имитационных практик, в которых эти образы совершенства воспроизводятся.

Во втором параграфе первой главы «Историко-философская эволюция представлений о природе и функциях имитационных практик» раскрывается историко-философская эволюция представлений о феномене имитации, в ходе которой античное убеждение в социальной полезности имитации сменяется характерным для эпохи Просвещения пренебрежением к имитационным практикам как к фиктивным, неподлинным видам деятельности; в эпоху постмодерна, с характерным для нее приматом игрового отношения к человеческому существованию, интерес к природе и функциям имитации вновь возрастает. В исторической традиции европейской философии рассуждения относительно человеческого совершенства могут быть

классифицированы в двух главных концептуальных категориях. Во-первых, существует долгая традиция понимания образцов совершенства как моделей имитации. Образцы совершенства функционируют, раскрывая ту модель, которая может быть воспроизведена в последующих действиях. Во-вторых, существует традиция, которая подчеркивает неимитируемую роль образцов человеческого совершенства в развитии человека. Этот второй способ понимания образцов совершенства часто противопоставляется первому, и хотя эта позиция имеет меньшее число сторонников, она часто весомо аргументируется. Изучение обеих сторон традиции показывает разнообразие продуктивных способов мышления об образцах человеческого совершенства.

История образов человеческого совершенства и подражания этим образам должна начинаться с Гомера. Гомер имеет важное значение для воспитания посредством совершенства, потому что предоставляет некоторые из самых влиятельных моделей в исторической традиции. Действительно, герои Гомера становятся фокусом имитации во всем античном мире. На самом деле, даже когда действия героев Гомера трактовались аллегорически и переосмысливались с целью избежать спорных моральных предпосылок их поведения, их роль как моделей имитации сохранялась в абстрактной форме. Процесс, во-первых, изображающий действия личности, во-вторых, сообщающий о выгодах, которые следуют из действия, и в-третьих, использующий эти выгоды, чтобы мотивировать обучаемого быть похожим на модель, был один из наиболее популярных способов мышления относительно ролевых моделей в воспитании. Он может быть обнаружен везде, начиная с нравственных биографий Плутарха и заканчивая теориями 20 века, где награда или наказание, выпадающие на участь модели, мотивируют наблюдателя. Его условно можно назвать *стандартной моделью* осмысления человеческого совершенства и имитации.

Платон адаптирует педагогику Гомера, предоставляя свою собственную

разновидность героя. Поэтические диалоги Платона возвеличивают новый тип совершенства, философа Сократа, владеющего истинной любовью к мудрости, а не страстного Ахиллеса или коварного Одиссея. Главный пункт диалогов Платона – не установить философскую доктрину, но представить новый способ жизни. Платоновские диалоги подразумевают, что следует подражать Сократу, живя строгой жизнью философа. В характере Сократа Платон поэтически устанавливает то, что позже Аристотель будет выражать теоретически: образцы человеческого совершенства дают нам единственный доступ к пониманию жизни добродетели. Философы в этом смысле сохраняют гомеровский способ осмысления воспитания. Средневековые авторы разделяли античное понимание имитации, усиливая его соответствующими библейскими учениями. В XI и XII столетиях главной движущей силой воспитания было харизматическое присутствие учителя, который провоцировал имитационные практики у обучающихся. Внешние телесные признаки проявляют внутреннюю гармонию, а добродетель может быть представлена тем, как человек ходит, разговаривает, как себя держит. Имитация этих внешних телесных действий рассматривается как способ обрести внутреннюю добродетель (и, что не менее важно, завоевать более высокое политическое и церковное положение). В средневековых сочинениях мы видим многие элементы стандартной модели: изучение качества жизни модели, выбор модели, основанный на такого рода рассуждениях, и предложение имитировать того, кто был таким образом выбран.

Хотя акцент на воплощенном авторитете учителя уменьшился в позднем средневековье вместе с появлением схоластических идеалов рационального исследования и систематических текстов, воспитательное значение имитации сохранилось, несмотря на то, что на нее смотрели уже более критически. Локк предполагает, что воспитатели ставят перед юношами примеры превосходных действий, указывают на красоту этих

действий и затем ожидают последующей имитации. Самый лучший тип совершенного образца, утверждает Локк, – это известные детям люди, то есть, это не мифические герои или древние короли, но те персоны, которые живут в известных детям обстоятельствах. Отметим, тем не менее, что Локк предлагает иной аспект стандартной модели. Он начинает с утверждения, что дети имитируют любое поведение, с которым они сталкиваются. На самом деле воспитатель не должен показывать ребенку те примеры, которым не следует подражать. Соответственно, в своих педагогических сочинениях Локк не говорит, что учитель должен призывать к имитации. Такой призыв оказывается ненужным. Вместо призыва к имитации и указания на модель воспитатель тщательно отбирает то, что его ученик видит перед собой. Поскольку имитация осуществляется автоматически, то стадия обращения к стандартной модели, которая наступает после того, как представлен образец, сменяется фазой выбора, в которой воспитатель выбирает то, что ребенок видит перед собой. Снижение имитационной стороны человеческого совершенства связано с концепцией человеческого разума, которая развивается в эпоху Нового времени. Проект Просвещения, возможно, лучше всего представлен на примере Рене Декарта, целью которого было построить знание на нерушимых основаниях. Обнаружив, что его научили некоторым ошибочным знаниям во время его молодости, Декарт избрал метод систематического сомнения и решил доверять только тому, что он сам может понять и обосновать. Желанием Декарта было отделить его знание от ошибочности общественного мнения и укрепить свои убеждения на более объективном основании. Он нашел достоверность внутри самого себя как мыслящего существа, то есть, он нашел достоверность в своем трансцендентальном Эго, в существовании которого не могло быть сомнений. С высоты этой достоверности Эго могло отделить себя от общественного мира и отказаться от суждений о нем. Этот эпистемологический индивидуализм, представленный Декартом, разрушал

связи с нормативными традициями, которые были так важны для античного мира. Опасения, что имитация – это предательство подлинного Я, опасения, осторожно высказанные Локком, в более сильной форме слышатся у Ж.Ж.Руссо. Для Локка имитация может быть плохой, если она является притворной, то есть, если качества внутреннего Я имитатора не соответствуют внутренним качествам модели. Руссо занимает более строгую позицию, утверждая, что для детей почти всякая имитация – это предательство собственного человеческого существования. Современное общество портит человека, а имитация представляет собой движение к этому обществу от естественного человека, который и образует собой собственно человеческую природу. Дети должны жить в соответствии со своей природой, а не в соответствии с действиями других людей. Избирая объекты имитации нам всегда следует брать природу в качестве образца. Руссо полагает, что основание имитации у нас идет от желания быть всегда отвлеченными от самих себя. Если педагог добивается успеха, то у ребенка не будет такого желания. Мы должны поэтому отбросить ту видимую пользу, которую имитация может породить. И.Кант отводит имитации центральное место в своей философии образования, но в конечном счете имитация оказывается предательством самого полного выражения рациональной природы человека. Верно, что для Канта обучение и есть ничто иное, как имитация. Образцы совершенства важны для Канта по нескольким причинам. Они усиливают способность суждения, предоставляют полезные метафоры, укрепляют надежду и вдохновение и служат напоминанием об идеалах. Что касается нравственного воспитания, то Кант говорит, что имитация важна для неразвитого человеческого существа, потому что она является первым определением его воли принять те максимы, которые впоследствии он сделает своими собственными. Но у полностью разумного человеческого существа нравственные максимы должны быть автономными, т.е. должны устанавливаться им самим.

Наконец у Ницше мы встречаем одновременно и критическое отношение к имитации и позитивное отношение к идеалам совершенства, к которым следует стремиться. Более оптимистичный подход Ницше к человеческому совершенству может частично быть объяснен сомнением Ницше в трансцендентальном Эго эпохи Просвещения, в идее, которую он подверг явной атаке в книге *По ту сторону добра и зла*. Нет никакого Я, которое могло бы находиться где-то за пределами языка и социального существования и которое позволяло бы оценивать образцы совершенства. Эти образцы с самого начала формируют наши категории понимания и оценки. Поэтому для Ницше невозможно игнорировать влияние социального существования и те образцы, которое оно нам предоставляет. Цель философии, как и жизни в целом, - научить использовать эти социальные влияния творческим способом. Традиция Просвещения опасается воспитательной ценности имитационных практик. Эти практики – предательство священной человеческой индивидуальности. В то же самое время представители Просвещения демонстрируют, в какой мере образцы человеческого совершенства могут играть положительную роль в воспитании. Они утверждают, что образцы совершенства, во-первых, могут служить напоминанием и объяснением человеческих идеалов; во-вторых, могут вдохновлять нас на наши собственные действия; в-третьих, открывать новые способы видения мира.

Во второй главе «Концепция имитационных практик» решаются такие задачи исследования, как, во-первых, описание социально-психологического механизма имитации; во-вторых, рассмотрение феномена имитации в свете теории нарративного «Я» Д. Деннетта; в-третьих, раскрытие социальных функций имитационных практик и их роли в структуре межличностного взаимодействия.

Первый параграф второй главы «Социально-психологический механизм имитации» посвящен описанию социально-психологического механизма имитации, которое вынуждает связать феномен имитации не с природой воспринимаемых нами действий, а социально-психологическими и нейрофизиологическими характеристиками нашей природы. Проблема имитации должна в таком случае связываться не с тем, почему некоторые действия, которые мы воспринимаем, мотивируют имитационные действия, а с тем, почему мы не подражаем всем действиям, которые мы воспринимаем. То обстоятельство, что мы имитируем одних людей, и не имитируем других, некоторые исследователи объясняют, вводя термин харизмы. Харизма может быть понята как элемент личного магнетизма, который позволяет его обладателю влиять на других людей. Это предполагает воплощенную комбинацию нескольких характеристик, включая убедительность, способность к руководству и физическую привлекательность. Особую комбинацию черт, связанных с харизмой, однако, трудно точно определить, так как некоторые внешне красивые люди с сильными характерами не харизматичны. Харизму поэтому часто считали мистическим даром, исходящим из божественного источника. Известно, что это слово происходит от древнегреческого слова, обозначавшего «дар» или «благодать». Поскольку черты, связанные с харизмой, настолько темны, то, оказывается, сказать, что у человека «есть харизма», означает просто сказать, что человек имеет особое воздействие на людей. Харизматический человек – это, иными словами, тот, кто внушает имитацию и иное ученическое поведение. Это, скорее, описание ответа других, а не черт характера, что требует описывать не столько особый набор особенностей такого человека, сколько его воздействие на других). Исследуя, как мотивация имитировать соотносится с человеческим совершенством, мы выясняем, что есть несколько вероятных путей, которыми такое соотношение может быть достигнуто. Стандартная модель того, как мы учимся по образцам человеческого совершенства, выдвигает на

первый план одну идею о том, как мотивация соотносится с совершенством. Стандартная модель предполагает последовательную мотивацию, то есть, она предполагает, что мотивация имитировать возникает, когда наблюдатели рассматривают действия модели как действия, обладающие желательными последствиями. Наблюдатели тогда имитируют те действия, которые приводят к этим желаемым последствиям. Верно воспринятые последствия вызовут имитационный ответ; плохо воспринятые не вызовут. На самом деле дурные последствия могли бы вызвать противоположное воздействие, если бы наблюдатель делал противоположное тому, что сделала модель. Возможны предположения, что имитация является инстинктивной склонностью, и особенно убедительно такие предположения изложены в сочинениях Г.Тарда. Иными словами, мы имитируем не из-за рационального рассмотрения последствий действия, но потому что мы самой эволюцией предрасположены имитировать.

Согласно ранним бихевиористам мы учимся имитировать, потому что мы вознаграждены за то, что имитировали в прошлом. В главных чертах бихевиористский подход полностью изменяет предположение о последовательной мотивации: мы подражаем некоторым людям не из-за положительных результатов, которые, как мы видим, они производят, как предполагает стандартная модель, но из-за положительных результатов, которые были получены нами через имитацию в прошлом. Сильная сторона бихевиористского подхода заключается в том, что он учитывает нерациональный компонент, который присутствует в имитациях определенного вида. Верно, что мы часто не принимаем решение имитировать других; мы просто обнаруживаем себя имитирующими. Для ранних бихевиористов имитация – это не расчет средств и целей, чтобы реализовать осознанное намерение; скорее мы имитируем, потому что мы предрасположены к этому нашей окружающей средой. Слабость бихевиористского подхода связана с ограниченностью бихевиоризма вообще.

Он соответственно не может объяснить происхождение новых имитаций. Кроме того, оказывается возможным имитировать новыми способами, которые не могут быть объяснены прошлыми подкреплениями рефлексов.

Другая теория мотивации восходит к психоаналитической идее «идентификации». Согласно фрейдистской теории развития, дети рождаются с инстинктами жизненного сохранения и сексуальной энергией, которая требует удовлетворения. Когда ребенок пытается удовлетворить эту энергию и сталкивается с преградой, он получает удовлетворение, идентифицируя с теми с теми, кто имел больший успех. Например, мальчики начинают идентифицировать себя со своим отцом, потому что отец в состоянии иметь - сексуальные отношения с матерью (секретным объектом желания мальчика). Мальчик подражает родителю мужского пола, начинает связывать себя с ним и копировать действия родителя в качестве способа удовлетворить иным образом не выполнимые желания. Взрослые, согласно этой психоаналитической традиции, продолжают использовать идентификацию в качестве защитного механизма против тревоги и неудовлетворенных желаний. Когда наши желания наталкиваются на препятствия, мы мотивированы идентифицировать себя с теми, кто более успешен, и такая идентификация обнаруживает себя посредством имитации. Мотивация имитировать рождается от желания объединиться с другими, а не от расчетов с целью воспроизвести желательные последствия. Психоаналитический подход терпит неудачу там же, где и стандартная модель; то есть, он не объясняет случаи имитации, которые кажутся тривиальными и неспособными удовлетворить выражение либидозной энергии.

Необходима теория, которая заполнила бы проблемы в объяснении, существующие в этих и других теориях мотивации. Теория должна объяснить имитацию, которая кажется нерациональной — то есть, имитацию, которая не основана на расчете с целью достичь какой-то более широкой цели или помочь нам удовлетворить некоторое запрещенное желание. Она

также должна признать новую природу большинства видов имитации, то есть, имитации новых видов поведения или имитации внутри новых контекстов. В рамках данного исследования такая теория может быть построена на основе концепции нарративного «Я» Д.Деннета.

Второй параграф второй главы «Имитационные практики в свете теории нарративного "Я" Д. Деннета» представляет собой попытку решения проблемы имитации на основе концепции человеческого "Я" Д.Деннета, которая связывает формирование структуры сознания (и его центра в лице Эго) с механизмами социальной идентификации, в которых имитационные практики играют определяющую роль. Д. Деннетт утверждает, что наше Я – это не вещь или субстанция; оно, скорее больше похоже на “центр притяжения». Для Деннетта наше Я – это объясняющая реальность. Наше Я - центр системы рассказов, которые выдвигают на первый план человека в качестве главного героя. В созидании смысла нашей жизни мы не можем без такого центра обойтись. Наше Я – это центр притяжения в тех историях, которые мы рассказываем о нас самих. Наше Я основано на рассказе. То, к чему мы обращаемся, когда используем слово "Я", является коллекцией значений того, кем мы являемся. Эти значения создаются главным образом через различные истории. Мы могли бы быть в состоянии обладать различным опытом и иметь различные воспоминания, но у этого опыта и этих воспоминаний нет смысла, пока они не помещены в форму рассказа. Посредством историй мы конструируем значения того, чем мы являемся, мы объединяемся друг с другом и с нашей окружающей средой, и мы намечаем направление, в котором мы движемся. Если значение создается через истории, и если наше Я есть коллекция значений, тогда наше Я конституируется посредством рассказывания историй. Полагание нарративного Я не обязательно означает, что у нас есть всесторонние и объединенные жизнеописания, к которым мы сознательно обращаемся за руководством и осмыслением. Действительно, некоторые люди могут

чувствовать, что их жизнь является просто последовательностью разрозненных эпизодов. Они не чувствуют, что есть какая-то история, объединяющая их прошлое Я с их сегодняшним Я каким-либо имеющим значение способом. Объясняя нашу жизнь как серию несвязанных между собой эпизодов, мы тем самым создаем ткань единой истории, как это делают и другие люди. Такой подход к своему Я также является вполне реальной историей; действительно, это - история об отсутствии истории. Д.Деннет называет свой нарративный подход к проблеме «Я» гетерофеноменологическим. Согласно этому подходу, у нас есть различные разрозненные рассказы, и хотя мы должны иногда определить, как эти субнарративы склеиваются вместе, это может быть вовсе не взаимосвязанная, унифицированная история, в которой все части нашей жизни удобно сочетаются друг с другом. У большинства из нас, вероятно, имеются разнообразные рассказы, которые находят свое выражение в разное время. Мы не должны рассматривать наши жизни как унифицированный поиск, где все элементы находят свою комфортабельную нарративную роль, но мы действительно должны примирить субнарративы, когда мы думаем о том, кто мы такие и что мы должны делать. Неопределенное чувство нашего Я, в значительной степени состоящее из ряда частично связанных между собой субнарративов, – это все, что требуется, чтобы нарратив сохранил центральное психологическое значение в человеческой жизни. Посредством условий повествования — сюжета, описания характеров, темы и так далее — события жизни приобретают свое значение и непрерывность. Нарративы соединяют разрозненные воспоминания, связывают их с эмоциями и порождают смысл.

Чтобы создать теоретическую структуру, способную объяснить имитацию, мы должны были бы сначала спросить о возможных отношениях между воспринимаемым действием и нарративным Я. Мы можем формализовать эти отношения в терминах конгруэнтности. Процесс

имитации связан с восприятием действий другого человека, а восприятие действия (согласно последним исследованиям) связан с формулировкой представления о нашем Я, совершающем то же самое действие. Эта ментальная симуляция нашего Я, совершающего воспринимаемое, может быть или не быть конгруэнтной мой нарративной концепции моего Я. Действительно, есть по крайней мере три возможных способа, которыми воспринимаемое действие может быть связано с нарративным Я: во-первых, воспринимаемое действие другого может сформировать позитивную конгруэнтность нарративному Я; то есть, действие является подходящим тому, кем, как я полагаю, я являюсь; во-вторых, воспринимаемое действие другого может сформировать нейтральную конгруэнтность в отношении Я; то есть, воспринимаемое действие может быть безразличным тому, кем, как я считаю, я являюсь; в-третьих, воспринимаемое действие другого может сформировать отрицательную конгруэнтность нарративному Я; то есть, действие может вступать в противоречие с тем, кем, как я полагаю, я являюсь. Основной вывод этой теории: образцы человеческой деятельности, которые вызывают имитацию, это те образцы, что не являются несовместимыми с нарративным Я.

В третьем параграфе второй главы «Социальные функции имитационных практик» главную роль играет утверждение, что связь имитационных практик с механизмами социальной идентификации позволяет понять полисемантическую имитацию, которая может нести в себе множество коммуникативных функций. Имитация - особый случай повторения, которое обычно предполагает человека, повторяющего (пусть даже абстрактно) действия или позиции, представленные кем-то другим. Имитационное повторение предоставляет много различных значений. Иногда имитация рассматривается как признак уважения к человеку, которого имитируют, и даже как признак благочестия, как в понятии подражания Богу, *imitatio dei*. Иногда имитация рассматривается как акт плагиата, иногда как

акт насмешки, иногда как акт послушания. Иногда значение имитации может быть еще более глубоким. Она может быть способом вызвать воспоминание об абстрактном объекте или о человеке, чтобы через пантомиму сделать прошлое настоящим: когда, например, какое-то выражение лица пробуждает воспоминание о событии и об эмоциях, с этим событием связанных. Действительно, имитация никогда не является бессмысленной. Когда я повторяю то, что делает кто-то другой, это – акт коммуникации в социальном мире. Имитацию, которая служит коммуникативной функции, иногда называют *мимезис* (от греческого слова *mimeisthai*, обозначающего имитацию). Имитация не может раскрыть внутренний мир модели, но она может раскрыть ее социальный статус или, по меньшей мере, может раскрыть то, что имитатор думает о модели. Когда мы имитируем, нас можно рассматривать как выносящих суждение и выражающих свое мнение о модели. Имитация может быть комментарием, предлагаемым имитатором, относительно достоинства и статуса человека, которому подражают. Кажется довольно очевидным, что человек, которого имитируют, может в этой имитации найти смысл своей деятельности — имитация, как известно, является самой высокой формой лести. Человек, который имитирует, может также найти значение своей деятельности в имитационном акте. Имитация имеет определенное значение и для имитатора. Наконец, в дополнение к тому, что она имеет значение и для модели, и для имитатора, имитация может также быть значимой для наблюдающей третьей стороны. В целом, имитация может быть способом и отправления, и получения сообщения о социальной взаимосвязи. Это форма коммуникации, связанная с удовлетворением человеческой потребности в признании — потребности, чтобы бы другие смотрели на нас так же, как мы смотрим на себя, потребности, чтобы нас любили и уважали в социальном мире. Посредством имитации мы отправляем сообщение, что мы признаем, восхищаемся и любим другого человека или его действия. Посредством имитации мы

облетаем также зеркало, позволяющее нам самим изучать, как нас видят другие. Мы в состоянии отойти от нас самих в сторону и наблюдать наши действия, выполняемые кем-то другим. Благодаря имитации нас признают в качестве части группы или признают посторонними. Когда мы имитируем, нас могут рассматривать как подтверждающих или отрицающих связь с теми, кто нас окружает.

Третья глава «Имитационные проекты в педагогической практике» должна подтвердить на конкретном педагогическом и учебно-методическом опыте эффективность предложенной в исследовании концепции феномена имитации. Анализ имитационных практик в рамках ряда проектов в сфере юридического образования не только подтверждает позитивную педагогическую эффективность феномена имитации, но и позволяет подойти к выводу, что именно имитационные практики должны быть связующим звеном между полноценной профессиональной деятельностью и усвоением теоретических представлений об этой деятельности в процессе обучения. Описаны три имитационных педагогических проекта (Civitas, «Учебные суды» и «Живое право»), основанных на авторском понимании природы имитации и подтвердивших свою эффективность на уровне практики

В *Заключении* диссертации подводятся итоги проведенного научного исследования, формулируются выводы и намечаются некоторые ориентиры для дальнейшей детальной разработки проблемы.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях.

По теме диссертации опубликованы статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных результатов диссертационных исследований:

1. Пронькин В.Н. Имитационные практики в свете теории нарративного «Я» Д. Деннета / В.Н. Пронькин // Вестник Русской христианской гуманитарной

академии, 2015. - Том 16. - Вып. 4. - СПб.: Издательство РХГА. С. 86–98. - 0,95 п.л.

2. Pronkin V.N. ANTIQUE IDEAS ABOUT IMITATION AND PERFECTION / В.Н. Пронькин // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки, 2016. - Т. 9. - № 4. - С. 1007-1013. - 0,45 п.л.

3. Пронькин В. Н. Имитация в философии образования Нового времени / В.Н. Пронькин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2016. - Том 17. - Вып. 1. - СПб.: Издательство РХГА. - С. 20–27. - 0,6 п.л.

Другие публикации:

1. Пронькин В.Н., Гутников А.Б., Элиасберг Н.И. Живое право. Занимательная энциклопедия практического права: Книга для преподавателя. - СПб: Издательство Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2001. - 15 п. л.

2. Пронькин В.Н., Гутников А.Б., Иванова Е.Н. Живое право. Занимательная энциклопедия практического права. Книга для ученика. Том 1: Учеб. пособие. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2000. - 32 п. л.

3. Пронькин В.Н., Гутников А.Б. Живое право. Занимательная энциклопедия практического права.: Метод. материалы для преподавателя к тому 1. - СПб.: Издательство Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2001. - 11,5 п. л.

4. Пронькин В.Н. Живое право. Курс практического права. Т. 2: Уч. пособие для 10–11 кл. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2004. - 19 п.л.

5. Пронькин В.Н., Гутников А.Б. Живое право. Интерактивный курс практического права. Книга для преподавателя к тому 2: Учебно-методическое пособие. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института

права имени Принца П.Г. Ольденбургского, 2004. - 11,5 п. л.

6. Пронькин В.Н., Гутников А.Б. Использование активных методов обучения в правовом образовании. // Гражданское образование: содержание и активные методы обучения. Под редакцией Н.Воскресенской и С. Шехтера. При участии А.Июффе и Ч. Уайта. - М.: Межрегиональная ассоциация «За гражданское образование», Фонд «Сивитас», 2005. - 0, 6 п.л.

7. Пронькин В.Н. Активная школа и (пере)подготовка педагогов. // Активная школа: теория, практика, перспективы. Под редакцией А. Зеленцовой, К. Спенсли и С. Шехтера. - М.: Американские советы по международному образованию АСПРЯЛ/АКСЕЛС, Фонд «Сивитас», Партнерство «Сивитас@Россия», 2005. - 0,4 п.л.

8. Сивика: гражданское общество. Курс практического обществолюбия. Учебное пособие для 10–11 кл. (Отв. ред. Пронькин В.Н.) – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права имени Принца П.Г. Ольденбургского, 2007. - 15 п.л.

9. Сивика: гражданское общество. Курс практического обществолюбия. Книга для преподавателя: Учебно-методическое пособие. (Отв. ред. Пронькин В.Н.) – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права имени Принца П.Г. Ольденбургского, 2007. - 12 п.л.

10. Пронькин В.Н., Гутников А.Б. Конкурс учебных судов. Методические пособия для учителя с приложением судебных дел. - СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института права им. Принца П.Г. Ольденбургского, 2006-2009. - 4,5 п.л.